

УДК 378
DOI 10.20339/AM.10-22.011

ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРСЫ И ГРАНИ

С.В. Костюкевич,
канд. социол. наук, в.н.с.
Институт социологии
Национальной академии наук Республики Беларусь
e-mail: svkostus@yahoo.com

МАССОВИЗАЦИЯ И ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В СЕРЕДИНЕ ХХ ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье анализируются социально-культурные последствия процессов массовизации и профессионализации университетов, запущенных в середине ХХ века под влиянием идеи доходности образования. Обосновывается, что издержками этих процессов стали снижение ценности и престижа интеллектуального труда (в том числе научного), который был переложен на плечи простых людей, тогда как прежде занятие интеллектуальным трудом и творчеством было главным образом делом состоятельных людей и в целом социальной элиты. Делается вывод, что в результате массовизации и профессионализации университетов сформировался тренд коммерциализации высшего образования, разрушающий традиционные модели университетского образования.

Ключевые слова: доходность образования, массовизация и профессионализация университетов, разрыв между университетским и профессионально-техническим образованием, изменение социальной роли университета, престиж интеллектуальной культуры и теоретической науки, интеллектуальные профессии.

MASSOVIZATION AND PROFESSIONALIZATION OF UNIVERSITIES IN THE MIDDLE OF THE 20TH CENTURY: SOCIOCULTURAL EFFECTS

Svetlana V. Kostyukevich, Cand. Sc. (Sociology), Leading researcher at National Academy of Sciences of Republic of Belarus, e-mail: svkostus@yahoo.com

The article analyzes the socio-cultural consequences of massovization and professionalization universities processes launched in the middle of the 20th century under the influence of the idea of profitability of education. It is giving some rationales for understanding why these processes disadvantages have become the decline in the value and prestige of intellectual labour (including a scientific one), which was shifted to the shoulders of ordinary people, whereas previously, intellectual labour and creativity were mainly the duties of wealthy people and, in general, social elites. It is concluded that as a result of the massification and professionalization of universities, a trend has been formed for the commercialization of higher education, which destroys the traditional models of university education.

Key words: profitability of education, massovization and professionalization of universities, the gap between university and vocational education, changing the social role of the university, the prestige of intellectual culture and theoretical science, intellectual professions.

Введение. Идея доходности образования как бэкграунд процессов массовизации и профессионализации университетов

В середине ХХ в. возникла идея, что высшее образование способствует экономическому развитию

и росту. Эта идея стала популярной в западных странах в среде политиков и инвесторов, которые, как об этом пишет, например, британский историк и педагог Брайан Саймон (1915–2002), считали, что «...вложения в образование – вот ключ к экономическому, а значит, и к социальному прогрессу...» [1. С. 16]. Вдохновляясь

возможностью экономического и социального прогресса, правительства западных стран много инвестировали в человеческий капитал, сделав сектор высшего образования массовым.

Итак, идея доходности образования как человеческого капитала подтолкнула к значительным инвестициям в сферу высшего образования, которая была существенно расширена. Соответственно, от массовой сферы высшего образования ожидали роста богатства в обществе и роста экономики. Эта идея популярна до сих пор. Прочтем, что написал в 2004 г. известный советский и российский философ В.М. Межуев (1933–2019): «Уже сегодня становится ясно, что образование выдвигается на одно из первых мест в качестве источника дохода. Мы все кричим о мелком, среднем предпринимательстве. Это все замечательно, но большую часть современного развитого общества занимают не предприниматели, даже не частные собственники, а люди, живущие за счет полученного образования – того культурного капитала, который они получили в ходе этого образования. На этом построена вся теория нового среднего класса. Это не просто мелкие лавочки или владельцы каких-то предприятий, это люди, которые живут за счет того образования, которое они получили и имеют» [2. С. 29].

Идея доходности образования запустила процессы массовизации и профессионализации сектора высшего образования вначале в западных странах, а затем к ним присоединились и другие страны.

Массовизация означала расширение доступа широких слоев населения к университетскому образованию. В конечном итоге в конце XX в., при наличии массовости вузов, оформилась идея маркетизации образования (образование стали рассматривать как товар для продажи) и, соответственно, возник рынок образовательных услуг, который стал важной частью современной экономики.

Итак, в середине XX в. произошла кардинальная перемена в высшем образовании западных стран: сектор высшего образования стал массовым и профессионализированным. Почему кардинальная? Потому что до середины XX в. сектор высшего образования в западных странах, прежде всего англосаксонских, состоял из немногочисленных классических университетов.

Торстен Хюсен (1916–2009), известный шведский педагог и психолог, писал: «До середины XX века европейский университет оставался элитарным учебным заведением, охватывавшим, как правило, 2–4% соответствующей возрастной группы... В период 1950–1975 гг. численность студентов в университетах во многих европейских странах, США и некоторых развивающихся странах резко возросла. Университеты из элитарных превратились в массовые учебные заведения... Водоразделом между элитарной

и массовой системой он (Мартин Трой¹) считает показатель охвата в 15% соответствующей возрастной группы» [3. С. 25].

Другой известный аналитик высшего образования, американский ученый в области наук об образовании, Филип Дж. Альтбах (1941) пишет: «Так, многие аналитики в 60-х годах полагали, что мир в целом, особенно промышленно развитые страны Запада, будет идти от элитарного к массовому и, наконец, всеобщему высшему образованию, следуя в целом американской модели. Однако этого не произошло. В большинстве государств Западной Европы экстенсивное развитие сферы высшего образования, характерное для 60-х годов, замедлилось, а в ряде случаев прекратилось полностью» [4. С. 45].

Итак, кардинальная перемена в высшем образовании западных стран означала, что университет из элитарного превратили в массовое учебное заведение. Но всеобщего высшего образования не случилось – массовизация сектора высшего образования застопорилась. Однако благодаря запуску нового глобального тренда в конце XX в. – маркетизации высшего образования – массовизация поддерживается в некоторых странах через развитие рынка образовательных услуг. Запущенный тренд маркетизации развивается в сторону конкуренции за иностранных студентов, где, разумеется, в выигрыше ведущие англоязычные страны (США, Великобритания, Австралия), имеющие неплохой экспортный доход от продажи образовательных услуг.

Оборотной стороной массовизации сектора высшего образования и коммерциализации его как сектора услуг является появление значительной безработицы выпускников с университетской степенью и работа не по специальности. Об этом писал, например, известный советский философ А.А. Зиновьев (1922–2006), который долго жил на Западе: «Я в Германии наблюдал ситуацию, близкую к тому, чтобы люди имели право на высшее образование. 40% людей с высшим образованием, их называли академиками, получали высшее образование и оставались безработными. Самая высокая безработица до сих пор. 40% находили работу не по профессии, занимались такими делами, где разница в образовании не играла никакой роли. И только 10–15% получали работу согласно профессиональному образованию» [2. С. 30].

Повторим еще раз, в середине XX в. произошла кардинальная перемена в высшем образовании западных стран: сектор высшего образования стал массовым и профессионализированным. Это во-первых.

Во-вторых, в этих немногочисленных классических университетах доминировало традиционное представление

¹ Trow, M. Problems in the Transition from Elite to Mass Higher Education. Berkeley: Carnegie Commission on Higher Education, 1973. 57 p.

о том, что классическое университетское образование – это воспитание интеллектуала с широкой гуманитарной эрудицией и кругозором и развитым интеллектом, а не подготовка специалиста для занятия позиции на рынке труда; т.е. в классических университетах не рассматривали профессиональное образование как главное дело – оно было второстепенным продуктом.

В 1992 г. Ф. Дж. Альтбах написал о профессионализации университетов следующее:

Важной тенденцией в развитии высшего образования на протяжении двух последних десятилетий является его профессионализация. Повсюду в мире первой задачей учебных программ в университетах признается обеспечение надлежащей подготовки по различным, все более усложняющимся специальностям. Традиционное представление о том, что высшие учебные заведения должны давать гуманитарное, не ориентированное на ту или иную профессию, образование для элиты и строить свою деятельность на основе широких и неспециализированных учебных планов и программ, подвергается резкой критике как «не соответствующее» потребностям современных студентов. Последние, обеспокоенные нехваткой хорошо оплачиваемых рабочих мест, настаивают на более узкой специализации учебного процесса. Работодатели также требуют большего соответствия учебных программ своим нуждам... Профессиональная направленность учебных программ связана с еще одной глобальной ключевой тенденцией в развитии высшей школы: установлением все более тесных взаимоотношений между университетами и производством. Промышленные компании стремятся непосредственно влиять на формирование содержания образования... Фирмы устанавливают официальные связи с университетами в целях научного сотрудничества в наиболее важных для них областях [4. С. 48].

Итак, профессионализация университетов сопровождалась стремлением и студентов, и работодателей к узкой специализации в учебном процессе. Как результат этого стремления, большой объем общих (универсальных) знаний в учебных программах и энциклопедизм в обучении подвергались критике – узкому специалисту не нужна широкая эрудиция и кругозор. Таким образом, профессионализация университетов привела к возникновению проблемы поиска баланса общеобразовательной и специальной подготовки в университетском образовании.

Т. Хюсен сформулировал процесс профессионализации университетов следующим образом: «Практика вошла в сферу безраздельного господства теории» [3. С. 25]. Профессионализация университетов связала их с рынком труда, но в классических университетах всегда доминирующей была теоретическая подготовка, а практическая – традиционно второстепенной. Следовательно, возникла проблема поиска баланса теоретического и практического обучения.

Эта проблема не решена до сих пор – студенты жалуются на недостаток практических знаний, что препятствует хорошему трудоустройству и развитию карьеры.

Итак, процесс массовизации университетов привел к появлению значительной безработицы выпускников с университетской степенью и работы не по специальности, а процесс профессионализации университетов подверг сомнению важность универсального (общего) и научного (теоретического) знания и таким образом спровоцировал появление двух актуальных проблем необходимости поиска баланса между:

- ◆ общеобразовательной и специальной подготовкой;
- ◆ теоретическим и практическим обучением.

На поверхности эти проблемы выражаются в том, что студенты критикуют энциклопедизм в обучении, хотя узкой специализации и жалуются на недостаток практических знаний.

Запущенные тренды профессионализации классических университетов и массовизации сектора высшего образования разрушили традицию параллельного существования университетского и профессионально-технического образования в европейских странах и США. В результате разрушения данной традиции в середине XX в. университетское и профессионально-техническое образование наконец-то были уравнены в статусе и престиже: многие политехнические и педагогические колледжи/институты получили статус университетов и вошли в сектор высшего образования (куда прежде входили только классические университеты), а многие классические университеты были профессионализированы. Было также создано много новых университетов (их называют прикладными) в процессе массовизации сектора высшего образования.

«Замоещение» разрыва между университетским и профессионально-техническим образованием в результате процессов массовизации и профессионализации университетов привело к следующим фактам:

- ◆ во-первых, во многих европейских странах и США университеты из элитарных учебных заведений превратились в массовые;
- ◆ во-вторых, профессиональное образование перестало быть второстепенным делом и стало считаться главной задачей университетов.

Что это означало? Изменение социальной роли университета: он становится институцией экономики и работодателей, тогда как в своем классическом варианте университет в средневековый период был институцией церкви и в Новое время стал институцией науки.

Читая работу «European Higher Education in the World» известного голландского ученого-педагога и управленца Ханса де Вита (1950), который в 2015 г. стал директором

Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже² (США) (после выхода на пенсию прежнего директора — уже упоминавшегося Ф.Дж. Альтбах³), можно обобщить, что в качестве институции экономики и сферы влияния работодателей и бизнеса университет связали со «знанием экономики», «глобальными рейтингами», «глобализацией», «интернационализацией», «ускорением IT-революции» и «конкурентностью» [5].

К тому же, изменение социальной роли университета означало *демократизацию университетов* — они стали доступны широким слоям населения. В 2004 г. В.М. Межуев написал: «...сегодня право на образование становится более важным, чем право на собственность. Это видно по всем социал-демократическим движениям современного Запада. Если еще в XIX — первой половине XX века людей разделяло отношение к собственности (поэтому мы придавали такое значение классовому делению), то в современном развитом обществе именно право на образование становится главным правом» [2. С. 29].

Социально-культурные последствия массовизации и профессионализации университетов

Подытожим: процессы массовизации и профессионализации университетов в середине XX в. привели к следующим результатам.

² Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) (Center for International Higher Education in Boston College) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education (Международное высшее образование), содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примерах локальных, региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер Института институциональных исследований (ИНИИ) НИУ ВШЭ (Россия), в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование» (International Higher Education). — Информация о Центре и его бюллетене взята с сайта НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/mag/the/publisher> (дата обращения: 04.07.2022).

³ Ф.Дж. Альтбах (Philip G. Altbach), директор-основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) (Center for International Higher Education in Boston College), о миссии центра написал: «Наш центр стремится к общению, построению сообщества и исследованиям по важным вопросам глобального высшего образования. Мы помогли создать сферу международного высшего образования четверть века назад и надеемся внести свой вклад в предстоящие годы» (Информация взята с официального сайта Центра. URL: <https://www.bc.edu/bc-web/schools/lynch-school/sites/cihe.html> (дата обращения: 04.07.2022).

1. Значительная безработица выпускников с университетской степенью.

2. Работа не по специальности большого числа университетских выпускников.

3. Сомнение в ценности универсального (общего) знания и научного (теоретического) знания.

4. Необходимость поиска баланса между общеобразовательной и специальной подготовкой.

5. Необходимость поиска баланса между теоретическим и практическим обучением.

6. Превращение университетов из элитарных в массовые учебные заведения.

7. Изменение роли профессионального образования в университете — оно перестало быть второстепенным и стало считаться главным делом университета.

8. Коммерциализация высшего образования как сектора услуг на образовательном рынке.

9. Изменение социальной роли университета: он становится институцией экономики.

10. Демократизация университета: он становится правом личности, доступным широким слоям населения.

11. Снижение авторитета и влияния светской и церковной элиты. Университет становится сферой влияния работодателей и бизнеса.

Что следует выделить особо в качестве потерь из-за массовизации и профессионализации университетов?

1. *Изменение социально-культурного предназначения университета.* Его низвели до уровня, можно сказать, ремесленного училища, сократив или убрав вещи, которые не имели прямого отношения к обучению ремеслу (специальности, профессии), а именно общее и интеллектуальное развитие человека и обучение его искусству теоретического мышления для занятия наукой. *Это изменение фиксируется в появлении сомнения в ценности универсального (общего) знания и научного (теоретического) знания.*

Между тем университет как феномен культуры защищал ценность общего и научного знания и обеспечивал существование в обществе таких социальных фигур, как ученый и интеллектуал. Заметим, что ученый — это разновидность интеллектуала, поскольку для занятия наукой нужен развитый интеллект. При этом профессии, которым обучали в университете, — вначале это были профессии врача, юриста и теолога, затем добавилась профессия ученого, которая выделилась в отдельную самостоятельную профессию, — это были не просто профессии, а интеллектуальные профессии. Учитывая, что университет является симбиозом либерального образования, средневековой гильдии и естественной науки, *есть основание считать, что главной идеей (целью) университетского образования может быть обучение ин-*

интеллектуальным профессиям [6]. Это означает, что университет должен готовить интеллектуала-профессионала.

Зададимся вопросом: *что является ценностью университета как феномена культуры?* Исходя из концепции университета как симбиоза либерального образования, средневековой гильдии и естественной науки, можно утверждать, что университет является уникальным институтом культуры со своими неотъемлемыми ценностями, которые сохраняют и поддерживают интеллектуальные профессии в обществе [7].

Изменение социально-культурного предназначения университета выразилось в том, что мы имеем довольно много специалистов с университетской степенью/дипломом, но у нас мало профессионалов высокого уровня. Почему? Потому что университеты не ставят целью подготовку интеллектуалов-профессионалов – они возникают вопреки системе.

2. *Массовизация и профессионализация университетов в середине XX в. привели к тому, что интеллектуальная культура, интеллектуальная профессия и теоретическая наука потеряли тот статус и престиж, который они имели прежде.* Эти вещи культивировались в рамках классических университетов и стали неважны для массовых и профессионально-ориентированных университетов.

В итоге упадка интеллектуальной культуры и теоретической науки в современных обществах мы наблюдаем, что современные политики нередко демонстрируют интеллектуальную беспомощность, а современные ученые – редкость фундаментальных открытий.

В современном, профессионализированном и коммерциализированном мире интеллектуалы больше не вдохновляются поиском метафизических общечеловеческих идей – они решают узкие задачи в рамках своей профессиональной должности. Вот почему современные гуманитарные идеи, выдвигаемые интеллектуалами, довольно мелки и часто эгоистично привязаны к их личным комплексам и потребностям. Ученые больше не вдохновляются служением науке и поиском истины самой по себе, они не стремятся тратить всю жизнь, чтобы сделать фундаментальные открытия. Ученые работают за плату в лабораториях и тоже решают узкие задачи. *Массовизация и профессионализация университетов привели к тому, что интеллектуальный труд и в частности труд ученого, став массовым трудом за плату и уделом простых людей, значительно утратил престиж и идеалистическую мотивацию.*

Заметим, что *интеллектуальная культура и теоретическая наука – это продукты, созданные в рамках аристократической культуры древних греков.* Впоследствии в Средние века их ценность и престиж поддерживались аристократической Европой. Институцией, в которой их

ценность и престиж сохранялись, были немногочисленные элитарные классические университеты.

Следует заметить, что занятие интеллектуальным творчеством и в частности занятие наукой в античной Греции были уделом прежде всего социальной элиты. *Именно интеллектуальный труд, которым ремесленники не занимались⁴, служил оправданием тем, кто не зарабатывал себе на пропитание, а жил за счет труда других людей (древнегреческие аристократы были землевладельцами). Именно интеллектуальный труд как творчество свободного гражданина, который в древней Греции, а затем и в древнем Риме был прерогативой аристократов, обеспечивал им самоуважение и осознание своей высокой культурной миссии.*

Как наследники античного греко-римского мира, европейские аристократы также ценят занятие интеллектуальным трудом и творчеством, включая занятие наукой. Однако это не характерно для российской элиты. Олег Яновский, выпускник Даремского университета (Великобритания) и МГИМО (Россия), в интервью «Недостаточно называть себя “элитой”, ею нужно быть» (2018) сказал: «Что меня удивляет больше всего и что, как мне кажется, является одним из признаков отсутствия подлинной элиты в нашей стране, так это нежелание детей состоятельных родителей посвящать себя науке. Тут, кстати, можно вспомнить бесчисленных великих ученых – представителей британской элиты. Отсутствие престижности в научной деятельности и низкий социальный статус ученых лишь усиливают негативный эффект от изменений, проводимых в российской системе образования» [9].

Итак, *потеря прежнего статуса и престижа интеллектуальной культуры и теоретической науки выражается в том, что сегодня мало блестящих гуманитарных идей и мало фундаментальных научных открытий.* И это результат того, что современные европейские аристократы увлеклись финансовой деятельностью и праздным образом жизни, переложив интеллектуальный труд и в частности труд ученого

⁴ Исключением были те немногочисленные ремесленники, которые занимались «технэ», т.е. занимались творчеством и исследованием в рамках своего ремесла, например, таковым был знаменитый древнегреческий скульптор Фидий. Он, без сомнения, был интеллектуалом, но поскольку Фидий работал физически (делал скульптуры руками) и при этом работал за плату (получал вознаграждение за свой труд), он в древнегреческом обществе считался ремесленником. Об этом писал известный немецкий филолог-классик, историк античности Герман Дильс (1848–1922): «... античность, несмотря на то, что именно в Афинах и Риме были созданы демократические формы правления, была насковзь аристократична. Даже такие выдающиеся мастера, как Фидий, расценивались как ремесленники» [Цит. по: С. 8. 138]. И подобный антидемократизм имел место не потому, что интеллектуальное образование и интеллектуальный труд не ценились в Древней Греции, а потому, что они ценились только как часть образа жизни привилегированного слоя, но не как часть трудовой деятельности человека. Заметим, что занятие интеллектуальным творчеством, составляющее часть их образа жизни, делает честь античной аристократии, но при этом следует заметить, что презрение древних аристократов к физическому труду сыграло не последнюю роль в гибели античного мира.

на плечи простых людей. Но простые люди во все времена всегда озабочены прежде всего заботой о пропитании.

Следует повторить, что интеллектуальная культура и теоретическая наука – это продукты, созданные в рамках *аристократической культуры древних греков*, что занятие интеллектуальным трудом и в частности занятие наукой в античном греко-римском мире *было делом (обязанностью) прежде всего социальной элиты*, что именно интеллектуальный труд служил оправданием тем, кто не зарабатывал себе на пропитание, а жил за счет труда других людей, и что именно интеллектуальный труд как творчество свободного гражданина, который в древней Греции, а затем и в древнем Риме был прерогативой аристократов, *обеспечивал им самоуважение и осознание своей высокой культурной миссии*.

Современные европейские аристократы значительно утратили вкус к выполнению своей культурной миссии. Что касается российской элиты, то этого вкуса у нее нет вообще – и это подтверждает не только наш современник О. Яновский, но и дореволюционный русский мыслитель, философ и правовед И.А. Ильин (1883–1954), который написал: «Темному, необразованному человеку простительно думать, будто “настоящая” работа есть именно телесная и только телесная», а всякий другой труд – это притворство и тунеядство, но люди умственного труда не должны поддаваться этому воззрению» [10. С. 216]. В свое время Л.Н. Толстой, русский писатель и граф, признал это воззрение правильным и посмеялся над умственным трудом. И.А. Ильин продолжает: «Призыв Толстого к “опрощению” был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого “нефизического” труда» [10. С. 216]. Одинок ли Толстой в своей позиции? Увы, нет. Еще один русский дореволюционный мыслитель, философ Н.А. Бердяев (1874–1948) писал: «Интеллектуальный, культурный слой в России слабо сознавал свое достоинство и свое культурное призвание. Таковы Толстой, Достоевский. Какая разница в этом отношении между Толстым и Ницше!» [11. С. 83].

К сожалению, следует признать, что русским образованным людям свойственно недооценивать себя и принижать умственный труд, а физический труд ставить очень высоко. Это очень характерная черта русской культуры, в которой почти не представлено высокомерие интеллектуалов, но зато широко представлено сострадание интеллектуалов к бедным и угнетенным. *К сожалению, следует признать, что культурная роль и высокое достоинство интеллектуалов никогда не имели в России должного признания, более того, сами интеллектуалы склонны были недооценивать себя*. Подобная ситуация неудивительна, если представители элиты России не имеют вкуса становиться интеллектуалами и заниматься интеллектуальным трудом.

Применительно к такой разновидности интеллектуального труда, как занятие наукой, следует заметить: несмотря на то, что в советский период государство много инвестировало в науку и культивировало в обществе ценность науки, тем не менее за годы советской власти в российской элите не сформировалась ценность науки и научного труда. Вот почему после развала Советского Союза они допустили крах советской науки. Русский и советский ученый, лауреат Нобелевской премии Ж. Алферов в 2007 г. написал, что в постсоветской России наука занимается выживанием и что российское государство устранилось от ответственности за науку [12. С. 49–56]. Он считал, что «чтобы восстановить российскую науку, надо изменить очень многое. Повышением зарплат уехавшую молодежь не вернуть. Ведь дело не только в размерах зарплат, которые все равно далеко отстают от западных, и даже не только в отсталости технической базы (а мы полтора десятка лет не обновляли оборудование и вообще потеряли область научного приборостроения). Очень важна – атмосфера востребованности. Это главное: ученые должны чувствовать себя нужными стране. Наука будет развиваться тогда, когда будет нужна и экономике, и обществу. А этого сегодня нет» [12. С. 51]. Можно дополнить мысль Ж. Алферова и сказать, что наука будет развиваться тогда, когда не только экономика и общество будут нуждаться в науке, но и социальная элита России будет воспринимать науку как ценность.

В Советском Союзе фундаментальная (теоретическая) наука была привязана к развитию военно-промышленного комплекса (ВПК). Науку ценили только как сервис по обслуживанию потребностей ВПК. Но наука нужна не только для того, чтобы обеспечивать развитие военной техники для противостояния возможному врагу. *Наука нужна для того, чтобы быть лидером*. Даже если у страны нет внешних врагов, это не значит, что стране не нужна наука. *Без развития науки невозможно быть в числе ведущих стран*.

Сегодня западные страны, стремясь быть лидерами, строят знаниевую экономику, и в основу экономического и промышленного развития они положили использование научно-технических достижений и конкуренцию. Если бы европейский буржуа по-прежнему использовал ручной труд на своих мануфактурах, Европа никогда не стала бы экономически богатой, даже предоставив своим ремесленникам предельную свободу обогащения. Таким образом, в процветание Европы интеллектуалы, ученые и инженеры внесли не меньший вклад, чем ее предприниматели и бизнесмены. Постсоветская Россия, которая длительное время демонстрировала безразличие к науке и инженерии, по-видимому, рассчитывает, что, в отличие от Европы, она обеспечит экономическое развитие без участия ученых и инженеров. Но это – очередная утопия.

Итак, потеря прежнего статуса и престижа интеллектуальной культуры и теоретической науки выражается в том, что сегодня мало профессионалов высокого уровня, мало блестящих гуманитарных идей, мало фундаментальных научных открытий – и это при массовости университетов. Как в такой ситуации сохранить культурное, научное и технологическое лидерство? Вопрос скорее риторический.

3. Массовизация и профессионализация университетов в середине XX в. привели к тому, что традиционные модели университетского образования, основанные на государственном финансировании, отступают на задний план, а вперед выходят новые провайдеры высшего образования, которые делают ставку на развитие частного высшего образования.

То, что европейский университет длительное время был элитарным и малочисленным, и то, что обучение конкретному практическому делу (профессии) для занятия позиции на рынке труда не было главным делом университетов, – это результат исторического наследия античности, а именно результат влияния аристократической культуры древних греков, в рамках которой было создано либеральное образование как атрибут образа жизни социальной элиты. Это влияние определило традицию параллельного существования университетского и профессионально-технического образования в европейских странах. В рамках этой традиции сектор высшего образования в европейских странах включал только классические университеты, эти университеты были немногочисленными (элитарными) и не были ориентированы на подготовку к конкретной профессии.

К классическим университетам относят средневековые европейские университеты врачей, юристов и теологов, в которых доминировало гуманитарное образование и в которых на факультетах свободных наук или искусств практиковалась либеральная модель образования, созданная древними греками в античности. Основной фигурой подготовки в средневековом университете был интеллектуал.

К классическим университетам также относят исследовательскую модель университета, которая появилась в эпоху Просвещения и которую связывают с реформами Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835); в исследовательском университете уже доминируют естественные (экспериментальные) науки. Основной фигурой подготовки в исследовательском университете был ученый.

В результате процессов массовизации и профессионализации университетов основной фигурой подготовки в профессионально-ориентированном университете стал специалист с компетенциями. Фигуры интеллектуала и ученого отошли на второй план.

Классические университеты в Европе представлены тремя моделями. Уже упоминавшийся Ханс де Вит (1950)

в работе «European Higher Education in the World» пишет о трех моделях классического высшего образования – гумбольдтовской, наполеоновской и британской:

Британская модель: университеты, ориентированные на индивидуальное развитие; автономные, но с государственным финансированием.

Наполеоновская модель: университеты как фабрики профессионалов; зависимые от государства, с государственным финансированием; профессора являются государственными служащими и членами национальных органов.

Гумбольдтовская модель: университеты как фабрики науки; зависимые от государства, с государственным финансированием; профессора являются государственными служащими, но они независимы [5].

В этой же работе, в разделе «Новые глобальные и европейские вызовы и тренды», Ханс де Вит пишет о вызовах, которые стоят перед указанными им моделями университетского образования: «Появляются новые провайдеры высшего образования, бросающие вызов традиционным университетским моделям. Быстрый рост частного высшего образования, как некоммерческого, так и коммерческого, стал глобальным явлением, поскольку в этом секторе обучается 30% мирового студенческого населения. Появляются новые формы высшего образования, такие как недавний взрыв MOOC⁵, которые в настоящее время приветствуются как новые правила игры» [5].

Итак, перечисленные Х. де Витом традиционные модели университетского образования имеют государственное финансирование, тогда как сегодня очевиден глобальный тренд – рост частного высшего образования, и это означает, прежде всего, что во главу угла ставятся интересы клиентов, которые платят за образование, т.е. студентов, и интересы владельцев частных университетов. Итак, частный интерес доминирует.

Будучи государственными учреждениями, классические университеты имеют широкие цели, т.е. они представляют собой не только учебные, но и научные и культурные центры. В частности, в британской модели акцент делается на индивидуальном развитии студента (а именно на его общем и интеллектуальном развитии и воспитании) – это означает, что университет работает как институция культуры, поскольку он следует заложенным еще античными греками в модели либерального образования классическим

⁵ Массовый открытый онлайн-курс (сокр.: MOOK; англ. *Massive open online course, MOOC*) – обучающий курс с массовым интерактивным участием, с применением технологий электронного обучения и открытым доступом через интернет, одна из форм дистанционного образования. Региональные MOOK ведут преподавание на национальных языках и сфокусированы на решении проблем отдельной страны или региона. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовый_открытый_онлайн-курс (дата обращения: 05.07.2022).

ценностям образования: образование развивает человека и образование воспитывает человека. В *гумбольдтовской модели* университет работает как институция науки, Х. де Вит так и пишет – «университеты как фабрики науки».

Итак, британская модель – это университет как фабрика культуры (воспитывает культурного человека), гумбольдтовская модель – это университет как фабрика науки (делает научные открытия). А какой фабрикой являются современные частные университеты? Ответ пока не ясен, но беспокойство уже есть – не приведет ли рост частного интереса к потерям в науке и культуре? И в частности, к дальнейшему упадку интеллектуальной культуры и теоретической науки?

Обратимся к еще одной цитате из работы Ханса де Вита «European Higher Education in the World»: «В глобальной среде конкуренция за таланты и знания становится все более жесткой, а гонка за повышением в рейтингах – более интенсивной. Когда люди или учреждения соревнуются за престиж, талант или доход, будут не только победители, но и проигравшие. Не все в состоянии воспользоваться преимуществами новой среды, не все готовы рисковать» [5].

Рост частного высшего образования, ужесточение конкуренции и гонка за высоким местом в рейтингах – такого, по свидетельству того же Х. де Вита, еще 30 лет назад не было. В своей работе, в разделе «Очень другая среда, чем теперь!», он пишет:

Торговля образованием, трансграничная доставка и филиалы университетов (*cross-border delivery and branch campuses*) не были такой центральной частью дискурса и политики в сфере высшего образования, как сейчас. Международные и национальные рейтинги университетов были еще неслыханными вещами. Болонья была только городом и старейшим университетом Италии, а не «процессом». Сотрудничество (*cooperation*) существовало с (*commercialization*) коммерциализацией, а конкуренция (*competition*) считалась малопонятным англосаксонским явлением, которое никогда не достигнет континентальной Европы (*the Continent*) [5].

Однако все эти вещи стали возможными благодаря процессам массовизации и профессионализации, а затем и маркетизации университетского образования.

К 11-ти пунктам, перечисляющим результаты процессов массовизации и профессионализации университетов в середине XX в. и указанным в начале данного раздела, добавим еще четыре.

12. Изменение социально-культурного предназначения университета, которое выразилось в том, что мы имеем довольно много специалистов с университетской степенью/дипломом, но мало профессионалов высокого уровня.

13. Такие вещи, как интеллектуальная культура, интеллектуальная профессия и теоретическая наука, потеряли тот статус и престиж, который они имели прежде.

14. Интеллектуальный труд, в частности труд ученого, стал массовым трудом за плату, уделом обычных простых людей, и значительно утратил престиж и идеалистическую мотивацию.

15. Рост частного высшего образования, ужесточение конкуренции и гонка за высоким местом в рейтингах

Заключение. Какие выводы можно сделать?

1. Чрезмерная коммерциализация университетского образования опасна, т.к. университет – это уникальный социально-культурный феномен со своими собственными ценностями и миссиями. Университет – это тот общественный институт, который не должен быть тотально подчинен рынку. Нельзя признавать, что роль «субъекта на рынке» исчерпывает все предназначение высшей школы. Университет должен воспитывать. Университет должен заниматься поиском истины. *И здесь рыночные отношения не первичны.*

2. Опасно доминирование экономического подхода к образованию (в том числе доминирование частного корыстного интереса), поскольку такие социальные фигуры, как интеллектуал и ученый, являются общественным достоянием и должны воспроизводиться в обществе.

3. Необходимо остановить упадок интеллектуальной культуры и теоретической науки, т.к. эти два социальных института обеспечивают развитие и лидерство страны.

4. Необходимо использовать модель университетского образования как обучения интеллектуальной профессии, чтобы университет готовил интеллектуала-профессионала. Специалист с компетенциями обеспечивает корректное функционирование системы. Развитие системы обеспечивает интеллектуал – человек с широкой гуманитарной и научной эрудицией, кругозором и развитым интеллектом, который к тому же получил специально-профессиональные знания и умения, чтобы быть профессионалом в определенной области.

5. Важно изменить парадигму университетского образования – вернуть ценность интеллектуального образования как атрибута образа жизни социальной элиты, которая использует интеллектуальное образование для подготовки к идеологическому и политическому управлению обществом; следует расширить ценность интеллектуального образования как элемента подготовки к трудовой деятельности в рамках обучения интеллектуальной профессии.

6. Необходимо культивировать в обществе ценность интеллектуального труда.

7. Необходимо осознать также, что подготовка интеллектуала-профессионала – это дорогой и длительный процесс. Интеллектуалу нужно иметь много свободного времени, чтобы в течение жизни постоянно развивать свой интеллект – шлифовать понятийное мышление, расши-

рять эрудицию и кругозор, совершенствовать свои умения в рамках международной практики.

Финансовые издержки на подготовку интеллектуала и тяжесть интеллектуальной работы должны лечь прежде всего на плечи состоятельных семей, на плечи социальной элиты. Они должны принять интеллектуальное образование и интеллектуальную работу как элемент своей трудовой деятельности. Потеря вкуса к выполнению интеллектуальной работы в среде социальной элиты означает упадок интеллектуальной культуры в обществе и интеллектуальную беспомощность правящего слоя.

В Советском Союзе тяжесть интеллектуальной работы была возложена на плечи простых людей, и их труд оплачивался невысоко. Общеизвестно, что квалифицированные рабочие промышленных предприятий получали более высокие зарплаты, чем инженеры-конструкторы и разработчики. В советской стране, с ее культом пролетария и культом физического труда, интеллектуальный труд ценился недостаточно. В итоге в позднем советском обществе, когда интеллектуалы больше не вдохновлялись идеей коммунизма, началась скрытая деградация науки и интеллектуальных секторов экономики.

Литература

1. Саймон Б. Общество и образование. М.: Прогресс, 1989. 200 с.
2. Межуев В.М., Зиновьев А.А. Диалог об образовании. Из выступлений на заседаниях Русского интеллектуального клуба и научной конференции в МосГУ // Научно-философские диалоги. 2004. № 1. С. 25–42.
3. Хюсен Т. Идея университета: эволюция функции, проблемы // Перспективы: вопросы образования. 1992. № 3. С. 23–40.
4. Альтбах Ф.Дж. Модели развития высшего образования в преддверии 2000 г. // Перспективы: вопросы образования. 1992. № 3. С. 40–58.
5. Hans de Wit. Three models of higher Education. URL: https://www.rlcu.org.ar/recursos/E_0000032_003_EUROPEANHIGHEREDUCATION.pdf (дата обращения: 02.07.2022).
6. Kostjukevich Svetlana V. University studies as training for the intellectual professions // Higher Education in Europe. 1996. Vol. XXI. No. 2–3. P. 203–213.
7. Kotlyarov I.V. Kostjukevich S.V. The European University in the Context of Logic of Integration // European Journal of Higher Education. March 2011. Vol. 1. No. 1. P. 66–77.
8. Кессиди Ф.Х. Об одной особенности менталитета древних греков // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 137–145.
9. Яновский Олег. Недостаточно называть себя «элитой», ей нужно быть // Интервью 2018 г. URL: https://zavtra.ru/blogs/nedostatochno_nazivat_sebya_elitoj_eyu_nuzhno_bit_ (дата обращения: 04.05.2022).
10. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х т. Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992.
11. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
12. Алферов Ж. Россия останется страной без будущего, если не изменит отношение к науке и образованию // Alma mater (Вестник высшей школы). 2007. № 2. С. 49–56.

Советская элита, не имея привычки заниматься интеллектуальным трудом и творчеством, демонстрировала интеллектуальную беспомощность, в результате чего в поздний советский период верхи не сумели остановить процесс распада страны.

Скрытая деградация интеллектуального труда в среде простых людей и интеллектуальная беспомощность верхов определили судьбу Советского Союза.

8. Опасна унификация университетов, которая появляется в результате замощения разрыва между университетским и профессионально-техническим образованием. Необходимо использовать университет и как фабрику культуры, и как фабрику науки, и как фабрику высокопрофессиональных специалистов. При этом важно гармонично, без эклектики сочетать элементы разных университетских моделей.

9. Недопустимо использовать университет только как институцию церкви, социальной элиты или экономики. Университет должен служить всему обществу и сохранять в обществе интеллектуальную культуру, теоретическую науку и интеллектуальные профессии.

References

1. Simon, B. Society and Education. Moscow: Progress, 1989. 200 p.
2. Mezhujev, V.M., Zinoviev, A.A. Dialogue about Education. From the speeches at the meetings of the Russian Intellectual Club and the scientific conference in Moscow State University. *Scientific and Philosophical Dialogues*. 2004. No. 1. P. 25–42.
3. Huysen, T. The idea of the university: evolution of function, problems. *Perspectives: Issues of Education*. 1992. No. 3. P. 23–40.
4. Altbach, F.J. Models of development of higher education on the threshold of 2000. *Prospects: Issues of Education*. 1992. No. 3. P. 40–58.
5. Hans, de Wit. Three models of higher Education. URL: https://www.rlcu.org.ar/recursos/E_0000032_003_EUROPEANHIGHEREDUCATION.pdf (accessed on: 02.07.2022).
6. Kostjukevich, Svetlana V. University studies as training for the intellectual professions. *Higher Education in Europe*. 1996. Vol. XXI. No. 2–3. P. 203–213.
7. Kotlyarov, I.V. Kostjukevich, S.V. The European University in the Context of Logic of Integration. *European Journal of Higher Education*. March 2011. Vol. 1. No. 1. P. 66–77.
8. Kessidi, F.H. On One Peculiarity of the Mentality of the Ancient Greeks. *Voprosy Filosofii*. 1996. No. 2. P. 137–145.
9. Yanovsky, Oleg. It is not enough to call oneself "elite", it is necessary to be it. *Interview 2018*. URL: https://zavtra.ru/blogs/nedostatochno_nazivat_sebya_elitoj_eyu_nuzhno_bit_ (accessed on: 04.05.2022).
10. Ilyin, I.A. Our Tasks. Historical Fate and the Future of Russia. *Articles of 1948–1954*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: MP "Rarog", 1992.
11. Berdyaev, N.A. Origins and Meaning of Russian Communism. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.
12. Alferov, J. Russia will stay as country without future if it doesn't change attitude to science and education. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2007. No. 2. P. 49–56.